

Субстантивация и местоименные конструкции в русском языке

Галина Ивановна Кустова

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН), Москва, Россия
Контакт для переписки: galinak03@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются субстантивированные прилагательные и причастия, обозначающие лицо. Выделяются окказиональные, узуальные (*чужой, посторонний, местный, присутствующий, желающий, отдыхающий*) и словарные (*верующий, военный, подчиненный, служащий*) субстантиваты. Рассматриваются особенности употребления прилагательных и причастий узуальной группы в конструкциях с местоимениями *никто, кто-то, кто-нибудь: кто-то незнакомый*, а также вариативность форм числа: *никого знакомого — никого знакомых*.

Статья на основе доклада, представленного на VII Международном научном симпозиуме «Русская грамматика: константы, контексты, перспективы» (10–14 октября, 2023 г., Тюмень, Россия).

Ключевые слова: субстантивация, прилагательные, причастия, местоимения, референциальные показатели, кванторы

Цитирование: Кустова Г. И. 2023. Субстантивация и местоименные конструкции в русском языке // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 4 (36). С. 48–62. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-48-62>

Поступила: 18.10.2023; одобрена: 27.10.2023; принята: 19.11.2023

Nominalization and pronominal constructions in Russian

Galina I. Kustova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Corresponding author: galinak03@gmail.com

Abstract. This paper presents a study on nominalized adjectives and participles denoting a person. It distinguishes between occasional nominalizations, usual nominalizations (*chuzhoi* ‘alien’, *postoronni* ‘outsider’, *mestnyi* ‘local’, *prisutstvuyushchii* ‘present’, *zhelayushchii* ‘willing’, *otdykhayushchii* ‘resting’), and dictionary nominalizations (*veruyushchii* ‘believer’, *voennyy* ‘military’, *podchinennyi* ‘subordinate’, *sluzhashchii* ‘employee’). The paper discusses the specific usage of adjectives and participles from the usual group in constructions with the pronouns *nikto* ‘nobody’, *kto-to* ‘someone’, *kto-nibud’* ‘anyone’: *kto-to neznakomyi* ‘someone unfamiliar’. Additionally, it examines the variability of number forms, for example *nikogo znakomogo* — *nikogo znakomykh* (no one familiar sg. — no one familiar pl.).

The article is based on a paper presented at the 7th International Research Symposium “Russian Grammar: Constants, Contexts, Perspectives” (October 10–14, 2023, Tyumen).

Keywords: nominalization, adjectives, participles, pronouns, referential indicators, quantifiers

Citation: Kustova, G. I. (2023). Nominalization and pronominal constructions in Russian. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(4), 48–62. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-48-62>

Received Oct. 27, 2023; Reviewed Oct. 18, 2023; Accepted Nov. 19, 2023

Введение

В литературе по субстантивации ([Лукин, 1957; Лопатин, 1967; Смольянинова, 1977; Богданов, Смирнов, 2004; Смирнов, 2006; Гайнутдинова, 2010] и др.) традиционно много внимания уделяется обсуждению групп субстантиватов, их статусу и лексикографической фиксации. Теоретически любое прилагательное или причастие могло бы субстантивироваться, но практически субстантиватов в русском языке не так уж много по сравнению, например, с немецким (см. [Павлова, в печати], там же см. краткий обзор литературы).

В данной работе мы не ставим вопрос, почему какие-то прилагательные и причастия не используются в качестве субстантиватов. Мы будем оперировать только теми примерами, которые реально встречаются в текстах (используется материал Национального корпуса русского языка — НКРЯ).

Два наиболее многочисленных и пополняемых класса субстантиватов в русском языке — субстантиваты, обозначающие лицо:

- (1) Но, с другой стороны, если *последний* стал *первым*, значит, *первый*, считай, должен стать *последним*? [В. М. Недошивин. Прогулки по Серебряному веку. Санкт-Петербург (2012)]
- (2) Как *сытый голодного* не понимает, так и *вольный* — узника [Эмма Герштейн. Анна Ахматова и Лев Гумилев (1994–2002)]

и субстантиваты среднего рода с абстрактным и собирательным значением:

(3) Да и кто знает, как он еще впишется, не проиграет ли *новое* рядом со *старым*?! [С. И. Шуртаков. Возвратная любовь (1970)]

(4) Он забывал о корпусах, интересуясь батальонами, упустил *общее*, увлекаясь *частным*, не умел отличить *главного* от *второстепенного* [А. А. Керсновский. История Русской армии (1933-1938)]

(5) Космонавты знают, что всегда по радио они могут уточнить все, что вызывает у них сомнение, получить дополнительную информацию и в конце концов отделить *подлинное* от *предположительного* и *неясного* [Ю. А. Гагарин, В. И. Лебедев. Психология и космос (1968)]

В данной статье рассматриваются только субстантиваты, обозначающие лицо.

Типы субстантиватов

Мы будем исходить из того, что субстантивация — это языковой механизм превращения адъективных слов в субстантивные единицы. Результаты работы этого механизма можно представить в виде шкалы, на одном полюсе которой находятся «узואальные», в том числе «словарные» субстантиваты, т. е. закрепившиеся в языке и обычно — но не всегда — отраженные в словарях, ср. *верующий, военный, дежурный, окружающие, подчиненный, приближенный, служащий* и под. (не обсуждается вопрос о том, какие субстантиваты отражаются в словарях и какими принципами при этом руководствуются лексикографы), а на другом — окказиональные.

Окказиональная субстантивация используется в художественном нарративе как художественный прием, и в таких текстах — в определенных контекстных условиях — субстантивации, по-видимому, могут подвергаться очень многие прилагательные и — особенно — причастия. Однако такие номинации жестко привязаны к контексту. Многие из них имеют цитатный характер (о цитатных номинациях см., например, [Вежбицка, 1982; Попова, 2006, с. 49–93]). Хрестоматийный пример — цитатные номинации вроде *клетчатый* применительно к булгаковскому персонажу Коровьеву. Есть и более сложные случаи, когда в контексте нет буквального употребления будущего субстантивата, но есть материал для вывода:

(6) Два примуса ревели на плите, возле них стояли две женщины с ложками в руках и *переругивались*.

— Свет надо тушить за собой в уборной, вот что я вам скажу, Пелагея Петровна — говорила та женщина, перед которой была кастрюля с какой-то снедью / ... /, — а то мы на выселение на вас подадим.

— Сами вы хороши, — отвечала другая.

— Обе вы хороши! — звучно сказала Маргарита, переваливаясь через подоконник в кухню. Обе *ссорящиеся* повернулись на голос [М. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)].

(7) Гелла с воем *вцепилась* в шерсть коту, а он ей в ответ в волосы / ... / . *Дерущихся* разняли [М. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

(8) Далеко, далеко от Грибоедова, в громадном зале / ... / на трех цинковых столах лежало то, что еще недавно было Михаилом Александровичем. На первом — / ... / тело / ... /, на другом — голова / ... / . Возле обезглавленного стояли: профессор судебной медицины, патологоанатом / ... / и / ... / литератор Желдыбин. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (1929–1940)]

Причастия проще подвергнуть окказиональной субстантивации, поскольку в языке в принципе действует механизм номинации участников ситуации по предикату этой ситуации ([Апресян, 1995; Мельчук, 1999]). В рамках этого механизма образуются, например, «актантные» существительные: *строить* — *строитель* (субъект-агенса), *строение* (объект-результат), *стройматериалы* (средство); *защищать* — *защитник* (субъект) — *подзащитный* (объект); *мести* — *метла* (инструмент); *красить* — *краска* (средство). Такую же роль могут играть причастные субстантиваты, заполняющие номинативные лакуны и образующие недостающие номинации, ср.: *защитник* — *нападающий*; *начальник* — *подчиненный*. Впрочем, многие прилагательные, участвующие в субстантивации, также содержат внутренний предикат (ср. *знакомый, невиновный*).

Разные субстантиваты находятся в разных точках шкалы продвижения от окказионального полюса к словарному. Нас будут интересовать, главным образом, узуальные субстантиваты, которые занимают промежуточное положение между окказиональными субстантиватами художественного нарратива (см. примеры выше) и «словарными» субстантиватами, которые обозначают функции (чаще всего — профессию, род занятий: *военный, пожарный, ученый*) или специальные статусы (*арестованный, заключенный*).

К узуальным мы относим причастные субстантиваты, связанные с какими-то типовыми ситуациями:

Обратился к *присутствующим* / к *собравшимся* с речью; *Встречающие* толпились на перроне; *Провожающие* вышли из вагонов; *Опоздавшие* ждали у входа; *Провинившиеся* будут наказаны; Родственники собрались у постели *умирающего*; Все *желающие* могут получить справку; Помощь *голодающим* / *пострадавшим*; *Отдыхающие* с самого утра спешили на пляж; Приехал автомобиль и высадил у одной из дач блестящего офицера в мундире германской армии. *Гуляющие* заинтересовались и подошли поближе [«Утро России», 1914],

а также группу отадеквативных субстантиватов *близкий, виноватый, знакомый, незнакомый, новый, посторонний, местный, чужой* (на базе относительных значений).

Отадеквативные узуальные субстантиваты обычно содержат внутренний предикат и в этом смысле близки к причастиям: *виноватый* (ср. *провинившийся*), *местный* — ‘тот, кто **живет** в данном месте, проживающий’; *новый* — ‘вновь пришедший; недавно принятый на работу; недавно ставший членом какого-то коллектива’.

Для сравнения будут привлекаться также субстантиваты от качественных прилагательных.

Сразу отметим, что субстантивация причастий, относительных прилагательных и качественных прилагательных имеет различия, которые в данной статье мы сможем лишь обозначить.

Еще нужно упомянуть, что названия «словарные» и «узуальные» являются рабочими и в значительной мере условными. Узуальные субстантиваты тоже могут отражаться в словарях, хотя и непоследовательно: например, *присутствующий* (о *присутствующих не говорят, список присутствующих*) получает помету «сущ.» [Ушаков, 1935–1940], а *собравшиеся* — нет. Такая непоследовательность отражения в словарях делает границу между узуальными и окказиональными субстантиватами с одной стороны и между узуальными и словарными с другой условной, субъективной и подвижной.

Для нас существенно, что узуальные субстантиваты относительно частотны (по данным НКРЯ). Так, из 73 примеров, выданных НКРЯ на запрос «любой + причастие [без определяемого существительного, т. е. в статусе субстантивата]», 61 пример — с субстантиватом *желающий*.

Другой важный критерий отбора материала — семантика. С точки зрения семантики субстантиваты можно соотнести с традиционно выделяемыми классами существительных (см. [Шмелев, 2002, с. 205–231]) — функциональными (*врач, учитель, начальник, ср. заведующий, ученый*), которые обозначают лицо по функции, постоянному занятию; результативными (*убийца, автор, нарушитель*), которые обозначают лицо по некоторому единичному событию; реляционными (*родственник, сосед, друг, однофамилец*), которые обозначают лицо с точки зрения его отношения с другим лицом; актуальными (*пассажир, пешеход, всадник, посетитель*), которые обозначают лицо по его участию в актуальной ситуации. Интересующие нас субстантиваты (*присутствующие, знакомый* и под.) соотносятся с актуальными и реляционными существительными (на результативные существительные отчасти похожи субстантиваты, которые можно назвать перфектными, ср. *опоздавшие*, однако есть и различие: человек, написавший роман, навсегда остается его автором; статус опоздавшего утрачивает актуальность. В этом смысле перфектные субстантиваты похожи не столько на результативные существительные, сколько на актуальные: пассажир является *пассажиром*, пока он едет в транспорте; собравшиеся являются *собравшимися*, пока они находятся на каком-то мероприятии).

Кроме автономных («абсолютных») употреблений субстантиватов существуют местоименные конструкции (МК), которые можно считать вспомогательным механизмом субстантивации: *кто-то незнакомый; кто-нибудь посторонний; никто чужой* (о соотношении таких конструкций с грамматической системой немецкого языка см. [Павлова, в печати]). В русском языке степень желательности или даже необходимости местоименного элемента различна. Иногда есть приемлемый вариант высказывания без местоимения, ср.:

(9) *Никто чужой* сюда не войдет — *Чужой* сюда не войдет;

иногда устранение местоимения делает высказывание неприемлемым или трудно интерпретируемым:

(10) Так она сидела, если знала, что *никто чужой* на нее не смотрит [О. А. Славникова. 2017 (2017)] — Так она сидела, если знала, что *чужой* на нее не смотрит.

Второе предложение приемлемо, если *чужой* — цитатная номинация, т. е. конкретно-референтное обозначение ранее упомянутого человека.

Многие местоимения в русском языке выполняют функцию артиклей и — шире — показателей референциального статуса. Так, кванторные местоимения-прилагательные типа *любой* выступают в качестве показателя нереферентного статуса именной группы (ИГ):

(11) *Любой желающий* сможет зарегистрироваться в системе и в режиме реального времени получать информацию [«Рыбак Приморья», 09.01.2003]

(12) Ну, знаете, вам *любой проверяющий* скажет, что это неправильно и аполитично [С. Л. Рябцева. Дети восьмидесятых (1989)]

ср. конкретно-референтный статус: *Проверяющий* просил передать, что сегодня придет к 10 утра.

Местоимения-существительные *никто*, *кто-то* и *кто-нибудь* выступают и в качестве «субстантиваторов», и в качестве референциального показателя (далее — РП), при этом сохраняя собственную семантику: *никто* коррелирует с отрицанием при предикате, *кто-то* маркирует неопределенные референтные именные группы, *кто-нибудь* — неререферентные именные группы.

Далее мы рассмотрим некоторые особенности сочетания этих местоимений с причастиями и прилагательными в рамках МК, а также возникающие в таких МК точки грамматического напряжения.

Конструкции с причастиями, ср.:

(13а) Вскоре зажгли керосиновые лампы. В их свете я видел, как *кому-то лежащему на столе* делали перевязку, вернее, снимали бинты [Владимир Ланг. Калейдоскоп детства // «Ковчег», 2013]

можно рассматривать как средство языковой экономии, а именно — как результат редукции фразовой номинации вроде местоименных предложений: *кому-то, кто лежал на столе* — до именной группы.

При этом если для существительных и словарных субстантиваторов естественным является показатель неопределенности *какой-то*, ср.:

Нас догонял *какой-то пассажир* / *какой-то прохожий* / *какой-то военный*,

то в контексте окказиональных субстантиваторов РП *какой-то* требует замены на *кто-то*, ср.:

(13б) В их свете я видел, как **какому-то лежащему на столе* делали перевязку.

Более сложная ситуация с прилагательными. Процессы, которые происходят с относительными и качественными прилагательными, как уже было сказано выше, различаются, поэтому их надо рассматривать отдельно. Узуальный, а тем более «словарный» статус приобретают прежде всего относительные прилагательные. И именно узуальные субстантиваторы являются наиболее интересным материалом с точки зрения местоименных конструкций.

Далее нас будет интересовать сама способность разных типов адъективных единиц (причастий, относительных прилагательных, качественных прилагательных) употребляться в «субстантивирующих» местоименных конструкциях, а также грамматический конфликт, связанный с выбором числовых форм.

Конструкции с отрицательным местоимением *никто*

Причастия практически не сочетаются с *никто*. Примеры в корпусе единичны:

(14) Студенты Медицинского института были демобилизованы для оказания первой помощи пострадавшим от химической атаки. Нас туда не звали, но мы выследили Розу и целую ночь дежурили на этом пункте. Разумеется, *никого отравленного* не было, всех отпустили [Д. М. Шварц. Дневник (1991)]

(15) В промозглые дождевые вечера Кастрюлец подвешивал на нитке к чужим окнам картофелину, и за мокрую эту нитку, схоронясь за канавой, дергал, а жильцы, не видя в мерцающем дождевыми каплями темном стекле *никого стучавшего*, сходили от страха с ума [Асар Эпфель. Кастрировать Кастрюльца! // «Знамя», 2002]

Вместо *никто* в нереферентных ИГ обычно употребляется *никакой*: *никаких отравленных не было; никаких стучавших не видели*. При референтном статусе ИГ используется элективная конструкция:

(16) Не слышал *никого из выступающих*.

Не застал *никого из приглашенных*.

Шел тихо, чтобы не разбудить *никого из спящих*.

Вероятно, по той же причине, связанной с референциальным статусом, ни причастные, ни адъективные субстантиваты не сочетаются с *кто* в вопросе:

(17) *Кто посторонний* вошел через черный ход? → кто из посторонних.

Кто опоздавший не отметился в списке? → кто из опоздавших.

Кто приглашенный выступал на празднике? → кто из приглашенных.

Такие высказывания имеют пресуппозицию существования субъекта: есть приглашенные, и среди них есть кто-то (хотя бы один), кто выступал, — и для них лучше подходит элективная конструкция.

Для качественных прилагательных контекст *никто* также не характерен, в корпусе встретилось лишь несколько примеров, ср.:

(18) В театре Antoine у Жемье была проба артистов, и меня туда позвал Moudru вместе с Головиным. *Никого интересного* не было [В. А. Теляковский. Дневники Директора Императорских театров (1908)]

Основной массив примеров с *никто* в НКРЯ — относительные прилагательные (узальные субстантиваты). Сразу отметим, что соответствующие прилагательные — *близкий, знакомый, любопытный* (= 'любопытствующий'), *посторонний* [о человеке] — имеют как качественное, так и относительное значение, но субстантиваты реализуют относительное значение, ср.:

(19) Она вылизывала тарелку от мороженого, когда её не видел *никто посторонний* [Евгений Чижов. Перевод с подстрочника (2012)]

В таких конструкциях могут употребляться «незаконные» формы числа прилагательных.

В отсутствие материально выраженных референциальных показателей и в неотрицательных предложениях субстантиваты могут употребляться как в единственном, так и во множественном числе:

(20а) Если экономическая ситуация в стране ухудшится, то перед выборами обязательно потребуются *виноватый*, — считает член научного совета Фонда Карнеги Андрей Рябов [«Газета», 2003.06.19]

(20б) ... потребуются *виноватые*;

ср. также:

Они всегда ищут *виноватого* — ищут *виноватых*.

В отрицательных предложениях допускается только множественное число:

(21а) Он в этом городе не встретил *знакомых*

Он поставлен здесь, чтобы не пускать *любопытных* [«Столица», 04.03.1997],

(подразумеваются РП типа *никаких* — не встретил *никаких знакомых*).

Единственное число при нереферентном статусе ИГ невозможно:

(21б) * Он в этом городе не встретил *знакомого*

*Он поставлен здесь, чтобы не пускать *любопытного*;

такие предложения возможны только при референтном прочтении ('того самого, упомянутого ранее').

Однако в отрицательных предложениях возможно также местоимение *никто*, дублирующее отрицание при предикате. И здесь возникает конфликт между семантикой и грамматикой. Семантически отрицание не исключает идею множества: *Допросили 10 человек, но никто не признался* (= 'все 10 не признались'), а конструкции типа (21а) даже требуют множественного числа ИГ. Но *никто* имеет фиксированное единственное число и — теоретически — требует единственного числа прилагательного:

(22) Однажды я, солгавши друзьям, будто уехал за город, прожил там [в гостинице] месяц, обедая на террасе, и *никто знакомый* даже мимо не прошел [Владимир Жаботинский. Пятеро (1936)]

Однако в реальности структура этого участка грамматической системы расшатывается, и побеждает компромисс.

В именительном падеже множественное число не допускается: **Никто знакомые мимо не проходили* (как и в других случаях, ср.: **Никто не признались* — при том, что некоторые количественные группы допускают оба числа: *Пять человек призналось* — *Пять человек признались*).

При этом в косвенных падежах этот запрет не действует, и встречаются оба варианта — единственное и множественное число прилагательного, ср.:

(23а) Миша так и не увидел *никого знакомого* — ни отца, ни Полюда [Алексей Иванов. Сердце Пармы (2000)]

(23б) — Нет. Я *никого знакомых* не встречаю [Алексей Слаповский. Любовь по-нашему // «Знамя», 2003]

(24а) Улыбнувшись на прощание, добавил: — Закрой дверь и не пускай *никого чужого* [Евгений Сухов. Дело конец — сроку начало (2007)]

(24б) Чаше, если не было *никого чужих*, обучение препоручали унтер-офицерам. Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993-2003)

(25а) Легко сказать — навестить. К нам *никого постороннего* не пускали. Но дядя Ганя — человек пробивной, приехал и разыскал меня в военном городке [Юрий Никулин. Семь долгих лет (1979)]

(25б) Только случилось это, если *никого посторонних* рядом не было [Н. В. Кожевникова. Гарантия успеха (1980)]

(26а) Вещи на ладан дышат... И нет рядом *никого близкого*. Разве эта орава в счет? [Галина Щербакова. Ах, Маня... (2002)]

(26б) Парижанин Бурдон, заболев и не имея *никого близких*, пригласил для ухода за собой сестру милосердия, которую ему тотчас же прислали из больницы [Вести (12.11.1913)]

(27а) Трофим оглянулся на окна и спросил вполголоса: — *Никого лишнего* нету? — Все свои, — ответил Северюк [К. Г. Паустовский. Книга о жизни (1946)]

(27б) Петр Анатольевич заранее предупредил, что будут только он и Анатолий Борисович, *никого лишних* [Геннадий Прашкевич, Александр Богдан. Человек «Ч» (2001)]

(28а) В этой мысли заключается какое-то глубочайшее неуважение к человечеству, глубоко мне оскорбительное и тем более невыносимое, что тут нет *никого виноватого* [Ф. М. Достоевский. Дневник писателя. 1876 год (1876)]

(28б) 575 погибших, 623 тяжелораненых. И, как обычно, — *никого виноватых* [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000)]

Примеров с дательным падежом вообще существенно меньше, чем с родительным:

(29) А Паша строго-настрого велел мне *никому чужому* не говорить, что мамы уже несколько дней нет дома [Дина Сабитова. Где нет зимы (2011)]

(30) — Я потому спросила, что когда-то у нас был уговор не говорить об этом *никому лишнему* [Зоя Масленикова. Разговоры с Пастернаком (2001)]

(31) В битву гигантов было не позволено соваться *никому случайному* [Игорь Николаев. Последний приказ генерала // «Звезда», 2001]

(32) Сама тоже куда не ходи и, если позвонят, обязательно спрашивай кто. *Никому незнакомому* не открывай [Леонид Юзефович. Князь ветра (2001)]

(33) Тем более что мои записи всегда будут в сохранности и *никому постороннему* в руки не попадут [А. И. Дмитриев. Дневник (1948)]

Тем не менее и в дательном есть примеры с множественным числом, хотя они единичны:

(34) Это я, ненужная *никому чужим* и забытая среди своих, стою одиноко, поодаль, и созерцаю все окружающее, унылая и печальная! [А. И. Волкова. Дневник (1887)]

(35) Ныне же *никому посторонним* не позволяется и одну ночь провести на берегу [В. М. Головин. Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе в 1817, 1818 и 1819 годах флота капитаном Головинным (1822)]

Примеры с другими косвенными падежами во множ. числе в корпусе не встретились, но это, скорее, следствие недостаточного объема, чем запрета.

Что касается сочетаний с местоимением *никакой*, то, в отличие от причастий (ср. *никаких стучавших не видели*), у прилагательных их существенно меньше, чем сочетаний с *никто*, и они встречаются не со всеми прилагательными. В корпусе встретились единичные сочетания с лексемой *посторонний*:

(36) Институт, в котором работал Пашка, был закрытым — никакой информации, *никаких посторонних* [Маша Трауб. Замочная скважина (2012)],

но не встретились сочетания с лексемами *случайный* (типа *Никакому случайному не открывай*) или *чужой* — типа *Никаких чужих здесь не было* (хотя семантически такие сочетания не запрещены), а встретилось только «полное» сочетание с существительным:

(37) Ни он не знал их, ни они его, но *никакой чужой человек* прийти в эту квартиру не мог [Валентин Распутин. В ту же землю... (1995)]

При этом вариативности по числу сочетания с *никакой*, разумеется, не допускают:
*Не пускай *никакого постороннего*.

Конструкции с неопределенными местоимениями: референтным *кто-то* и нереферентным *кто-нибудь*

В референтных ИГ с субстантиватором *кто-то*, который выражает семантику неопределенности (т. е. образует неопределенные референтные ИГ), встречаются как причастия, так и прилагательные (аналогичные свойства в МК демонстрирует местоимение свободного выбора *кто-нибудь*, формирующее нереферентные ИГ, поэтому из соображений экономии мы ограничимся, за редкими исключениями, примерами с *кто-то*).

Сразу отметим, что конструкции с множественным числом типа **видел кого-то подозрительных*, **обратись к кому-нибудь сочувствующим*, аналогичные конструкциям *не встретил никого знакомых*, в НКРЯ пока не встретились. Поэтому в данном разделе мы рассмотрим только набор референциальных показателей, которые сочетаются с разными группами причастий и прилагательных.

Примеры с причастиями:

(38) Опять *кто-то прячущийся* провопил из потемок: — Все равно заедем. Вон из слободы выгоним [А. Г. Малышкин. Люди из захолустья (1938)]

(39) *Кто-то стонуций* свалился в окоп [Г. Я. Бакланов. Навеки девятнадцатилетние (1979)]

(40) *Кто-то отставший* догонял их, и они все весело побежали от него [Г. Я. Бакланов. Навеки девятнадцатилетние (1979)]

Примеры (38) — (40) описывают ситуацию с синхронным наблюдателем (ср. [Падучева, 2019, с. 65, 168] и др.), и в такой ситуации предпочтителен именно РП *кто-то*, ср.: **какой-то стонуций* свалился в окоп.

Пример (41) предполагает ретроспективного наблюдателя:

(41) Князь Волхонский преподавал химию в бывшей мужской Флёровской гимназии в Мерзляковском переулке. Он всю жизнь был простым учителем. А в роно спохватились: «В советской школе учитель — князь!» Вызвали его, *кто-то сочувствующий* спросил, не родственник ли он декабристу? [С. М. Голицын. Записки уцелевшего (1980-1989)]

В этом случае есть выбор референциальных показателей, ср.: *кто-то сочувствующий* / *какой-то сочувствующий* / *один сочувствующий* спросил.

Для качественного прилагательного сочетание с субстантиватором *кто-то* — единственный приемлемый механизм субстантивации (при этом образуется неопределенная референтная ИГ):

(42) *Кто-то хитрый на выдумку* перекинул дощатый мосток между откидными столиками, что крепились по разные стороны каждой у своего окна [Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001]

(43) А помнишь, в другой раз они говорили: ими командует *кто-то умный и знающий*... [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

(44) Навстречу нам лениво шел, закинув голову, *кто-то высокий* [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]

(45) *Кто-то быстрый, невидимый* проскользнул мимо и тихо его поприветствовал [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)]

(46) Зыбин проснулся внезапно и увидел, что кровать напротив занята. На ней лежит *кто-то длинный, худой и старый* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей (1978)]

В отличие от словарных субстантиватов, а также некоторых узуальных причастных субстантиватов, у которых неопределенность может выражаться референциальным показателем *какой-то* (*По пляжу слонялись какие-то военные / какие-то отдыхающие*), для качественных прилагательных РП *какой-то* невозможен, ср.: **Навстречу нам шел какой-то высокий*. Такая конструкция требует добавления «пустого» существительного: *Навстречу нам шел какой-то высокий человек*. Однако подобная конструкция менее экономна, т. к. требует двух разных элементов для выражения субстантивности и референциального статуса. Конструкция *кто-то высокий / умный* — более экономный способ выражения (компрессия) субстантивного и референциального показателя.

При этом в неререферентном статусе (в сентенциях, поговорках и под. выражениях с обобщенным смыслом 'всякий', 'любой') субстантиваты качественных прилагательных употребляются без формально выраженных РП: *Умный в гору не пойдет; Сытый голодного не разумеет; Хлеб голодным!; Смелого пуля боится; Честному всегда трудно; Бедный такую машину купить не сможет; Для высокого эта кровать коротка, а для маленького — велика*.

Рассмотрим сочетания субстантивных референциальных показателей *кто-то* и *кто-нибудь* с прилагательными узуальной группы:

(47) Мне запомнилось, как в те годы папа с мамой нередко вдруг начинали говорить между собой шепотом — словно боялись, что их может услышать *кто-то посторонний* [И. К. Архипова. Музыка жизни (1996)]

(48) Если не запомнить соседей, того и гляди, вотрется *кто-нибудь посторонний* [Роман Амосов. Подъем на холм // «Ковчег», 2012]

(49) Но когда я подошел к собору, то увидел, что на лавочке со сторожем сидит и еще *кто-то незнакомый* в стеганой ватной куртке [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей (1964)]

(50) Но как только входил *кто-нибудь незнакомый*, посетители торопливо надевали чуваки [К. Г. Паустовский. Повесть о жизни. Бросок на юг (1959-1960)]

(51) Если кошка одна в квартире, она рычит, когда снаружи к двери приближается *кто-то чужой* [«Наука и жизнь», 2009]

(52) Александру Михалычу и так все ясно было — его место из-за беглого Кобыяка падало в цене и могло быть отдано только *кому-то местному* [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013]

(53) Вообще как, по-вашему, они попали в Москву? — Скорее всего, поодиночке. Им помогал в Москве. Помогал *кто-то местный* [Комсомольская правда, 2002.10.30]

РП *какой-то / какой-нибудь* для узуальных субстантиватов, как и для качественных прилагательных (*какой-то высокий*), неестественны. Контексты вида *какой-нибудь чужой / какой-нибудь посторонний* (в качестве субстантиватов) в корпусе не встретились. Нашлись два примера с *какой-то чужой*, но они не показательны — в одном случае это сказуемое:

(54) — Не успела, чуток не успела, — кусала белые губы Маня, не зная, что делать и что еще сказать Ефросинье и бабке Авдотье. — *Это какие-то чужие*, — говорила Маня растерянно [П. Л. Проскурин. Судьба (1993)],

в другом — конструкция с числительным:

(55) — Вот и я-с, — вернулся в комнату Коноплянкин, — там *двое каких-то чужих* пришли, чая потребовали [А. И. Красницкий. Воскресшая душа (1913)]

Итак, для прилагательных узуальной группы нормальными субстантиваторами являются *кто-то, кто-нибудь, никто*.

Что же касается словарных субстантиватов типа *военный*, которые окончательно закрепились в языке для обозначения лица в качестве существительных, то они в такой местоименной конструкции не употребляются, поскольку им не требуются какие-то специальные показатели, «подтверждающие» их статус субстантиватов:

(56) За ними шел *кто-то военный* → какой-то военный.

Кто-то дежурный забыл закрыть дверь → какой-то дежурный, кто-то из дежурных.

Позовите *кого-нибудь дежурного*.

Сочетания *кто-то военный / кто-нибудь военный; кто-то дежурный / кто-нибудь дежурный* (по запросу «*кто-то / кто-нибудь* + прилаг. + глагол / перед любым знаком препинания») — в корпусе практически не встречаются. А если встречаются, то в них происходит обратный процесс «десубстантивации». В единственном примере из корпуса:

(57) Вечером у Алек. Вас. Голштейн. *Кто-то военный*, в погонах, трогательно бедно одет. Как мало ценятся такие святые редкие люди! [И. А. Бунин. Дневники (1920–1929)]

военный в сочетании *кто-то военный* скорее имеет статус прилагательного.

Тем самым можно констатировать, что контекст *кто-то* / *кто-нибудь* не допускает полностью субстантивированных слов — словарных субстантиватов — и используется как промежуточная ступень и вспомогательное средство для слов, у которых процесс субстантивации еще не завершился.

Заключение

Итак, кроме «автономного» употребления субстантивированных прилагательных и причастий (*Не пускает **посторонних***; *Обратился к **собравшимся***) в русском языке встречаются местоименные конструкции (*На лавочке сидел **кто-то незнакомый***), в которых местоимения *никто*, *кто-то*, *кто-нибудь* и под. выступают одновременно и как «субстантиваторы», и как показатели референции. При этом причастия и прилагательные по-разному взаимодействуют с местоимениями.

Причастия неохотно сочетаются с отрицательным *никто*. Такие примеры единичны, причем в корпусе обнаружены только формы родительного падежа (*никого **отравленного** не было*); именительный падеж (*никто **отравленный** в больницу не поступал*) не засвидетельствован. Вместо *никто* в таких сочетаниях используется местоимение *никакой*: *никаких **отравленных** не было*; *никаких **стучавших** не видели*.

Относительные прилагательные, которые могут употребляться в качестве узуальных субстантиватов, напротив, редко сочетаются с местоимением-прилагательным *никакой* (*Не встретил **никаких посторонних***), но сочетаются с *никто*, причем в косвенных падежах допускается как единственное (*никого **чужого***), так и множественное (*никого **чужих***) число.

В конструкциях с неопределенными местоимениями *кто-то* и *кто-нибудь* употребляются и причастия (*кто-то **стонущий***), и качественные прилагательные (*кто-то **быстрый***; *кто-то **хитрый***), и относительные прилагательные, которые являются базой узуальных субстантиватов (*кто-то **посторонний***; *кто-нибудь **незнакомый***), но не словарные субстантиваты (*кто-то **военный***; *кто-то **дежурный***), которые полностью превратились в существительные и не нуждаются в «субстантиваторах»-местоимениях.

Таким образом, анализ материала из корпуса показывает, что субстантивация — «разноскоростной» процесс. Место субстантивата на шкале продвижения от адъективного полюса к субстантивному зависит от многих факторов — не только от потребности говорящих в новых номинациях, но и от лексической семантики, грамматических ограничений, сочетания с референциальными показателями.

Список литературы

- Апресян Ю. Д. 1995. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры. 472 с.
- Богданов С. И., Смирнов Ю. Б. 2004. Переходность в системе частей речи. Субстантивация: Учеб. пособие. СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2004. 57 с.
- Вежбицка А. 1982. Дескрипция или цитация // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга. С. 237–262.

- Гайнутдинова А. Ф. 2010. О разновидностях перехода причастий в имена существительные // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4. С. 65–68.
- Лопатин В. В. 1967. Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М.: Наука. С. 221–265.
- Лукин М. Ф. 1957. Переход причастий в существительные // Русский язык в школе. № 4. С. 43–46.
- Мельчук И. А. 1999. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, Синтаксис. 2-е изд. М.: ЯРК. 345 с.
- Национальный корпус русского языка (НКРЯ). 2003–2023. URL: <https://ruscorpora.ru>
- Павлова А.М. «Нечто загадочное»: субстантивация прилагательных и причастий после местоимений в русском и немецком языках (В печати).
- Падучева Е. В. 2019. Эгоцентрические единицы языка. М.: ЯСК. 440 с.
- Попова Е. А. 2006. Нарративные универсалии. Липецк: Изд-во ЛГПУ.
- Смирнов Ю. Б. 2006. О разграничении окказиональных и узуальных субстантивированных прилагательных (лексикографический аспект) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Вып. 4. С. 57–67.
- Смолянинова М. И. 1977. К вопросу о степени субстантивации причастий // Актуальные вопросы лексики и грамматики современного русского языка / А. Н. Карпов (ред.). Тула: Изд. Тульского гос. пед. ун-та. С. 42–58.
- Ушаков Д. Н. (ред.). 1935–1940. Толковый словарь русского языка: т. 1–4. М.: Советская энциклопедия.
- Шмелев А. Д. 2002. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры. 496 с.

References

- Apresjan, Yu. D. (1995). *Lexical semantics. Selected Works. Vol. 1. Yazyki russkoy kultury*. [In Russian]
- Bogdanov, S. I., & Smirnov, Yu. B. (2004). *Transition in the system of parts of speech. Substantivization: Textbook*. Philol. Faculty of St. Petersburg State University. [In Russian]
- Wierzbicka, A. (1982). Description or citation. In *New in foreign linguistics*. Vol. XIII. Logic and linguistics (Problems of reference). Moscow, Raduga. (pp. 237–262). [In Russian]
- Gainutdinova, A. F. (2010). About the varieties of transition of participles into nouns. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, (4), 65–68. [In Russian]
- Lopatin, V. V. (1967). Substantivization as a way of word formation in the modern Russian language. In *Russian language. Grammar studies. Nauka* (pp. 221–265). [In Russian]
- Lukin, M. F. (1957). Transition of participles into nouns. *Russkii yazyk v shkole*, (4), 43–46. [In Russian]
- Mel'čuk, I. A. (1999). *Experience in the theory of linguistic models «Meaning ↔ Text»*. 2nd edition. Yazyki russkoy kultury. [In Russian]
- Russian National Corpus (RNC). (n.d.) <https://ruscorpora.ru>
- Paducheva, E. V. (2019). *Egocentric language units*. Yazyki slavyanskikh kultur. [In Russian]
- Popova, E. A. (2006). *Narrative universals*. Lipetsk: Publishing house LSPU. [In Russian]

- Pavlova, A. V. (2023). *"Something mysterious": The nominalization of adjectives and participles after pronouns in Russian and in German*. (Forthcoming). [In Russian]
- Smirnov, Yu. B. (2006). On the distinction between occasional and usual substantivized adjectives (lexicographic aspect). *Bulletin of St. Petersburg University*, 9(4), 57–67. [In Russian]
- Smolyaninova, M. I. (1977). On the question of the degree of substantivization of participles. In Karpov, A. N. (Ed.) *Current issues of vocabulary and grammar of the modern Russian language*. Tula State Ped. Univ. Publishing house (pp. 42–58). [In Russian]
- Shmelev, A. D. (2002). *Russian language and extra-linguistic reality*. *Yazyki slavyanskoy kultury*. [In Russian]

Информация об авторе

Галина Ивановна Кустова, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (ИРЯ РАН), Москва, Россия
galinak03@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9404-081X>

Information about the author

Galina I. Kustova, Dr. Sci. (Philol.), Chief Researcher, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (RLI RAS), Moscow, Russia
galinak03@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0001-9404-081X>